

Туман, красный туман стоял перед глазами, застывая монитор. То ли давление подскочило, то ли она, женщина разумная, хладнокровная, осатанела как последняя хабалка.

«Спокойно, спокойно. Нет смысла разбивать оргтехнику, это не поможет. Однако... что, черт подери, он возомнил о себе, пустышка небритая, мускулистая, безмозглая?! Я как дура ношусь с его тупым клубешником, все силы, деньги на него трачу, а он там, за океаном хреном машет? Теперь еще и деньги требует, каково? И на что?!»

Она взяла себя в руки, произнесла мягко, проникновенно:

— Уточним кое-что. Я не отказываюсь выдать эти деньги, но хочу знать, на какие цели они пойдут.

«Врать он не умеет и не станет, мозгов не хватит... но Саша, Саша, хотя бы теперь соври. Пусть будет на адвоката, на залог!»

Однако врать он не умел и не стал.

— Прости, я не могу сказать. Просто поверь, что мне срочно нужно два миллиона триста семьдесят три тысячи. Срочно, Лера.

«Ведь своими же руками вытащила его с гор в Москву, отмыла, выбрила, с нужными людьми свела, из всех компотов выручала... да что там! Только моя заслуга в том, что он, добросовестная посредственность, получил заокеанский контракт, заиграл не где-то, а в столичной забугорной команде. Кем бы ты был без меня, Профессор? Сашкой Номер Два?!»

— Ты отказываешься сказать, на что тебе эти деньги. Я отказываюсь их давать, — отчеканила Лера.

— Послушай, это же все-таки мой клуб.

С издевательским сожалением и уже утомленно Лера принялась объяснять:

— По факту этот клуб давным-давно не твой. Подбор игроков, сохранение тренера без повышения выплаты по контракту, выход в плей-офф — все это мои, не твои заслуги. Сейчас в структуре есть лишь один человек, который заключает сделки и доводит их до завершения. И это я.

— Да, ты гениальный менеджер. Но владец-то я, — попытался встрять он.

— Владелец тот, у кого средства.

— Судя по твоим отчетам, мы в плюсе. Выдели деньги.

— В жизни, Сашенька, всегда приходится чем-то жертвовать. Я, например, жертвую своим временем, занимаясь не тем, что интересно. Мне хоккей твой ни в одно место не впился, равно как и этот клуб. А ты чем жертвуешь?

— Ты утверждала, что интересно...

Стоит ли достаивать ответом эту наивную ремарку? Лера и не удостоила.

— Теперь, прости, у меня иного рода планы, более близкие мне по духу, да и перспективные. Самосовершенствование, духовные практики, коррекция судьбы... согласись, это куда выгоднее, нежели все ваши глупые скольжения по замерзшим осадкам. Я подумываю о том, чтобы подать в отставку. Буду заниматься своим проектом.

Так, или гуляет цветопередача на мониторе, или на Атлантике шторма, но, по ходу, на этой вечно небритой наглой морде проступают, наконец, желаемые эмоции — смятение, бешенство. Точно. Задело за живое. Вот он уже шепелявит сквозь выбитые зубы:

— Лера, ты моя жена. Занимайся чем хочешь, а прямо сейчас перешли мне два миллиона триста семьдесят три тысячи.

— Я склонна дать отрицательный ответ. И насчет жены. Я полагаю, что после всех этих пикантных историй... ну, ты понимаешь. Нам лучше развестись.

Он вспыхнул, но промолчал, играя желваками, буркалами волчьими поблескивая. Ответил вежливо, по-свойски:

— Развод? Хорошо, старушка, как скажешь.

Настала пора Лере скрипеть зубами, напоминать себе, что:

...Руки сейчас пока коротки, и все равно он никуда не денется, вернется в Россию. Некуда ему податься.

...Пусть сейчас не дотянутся до него, она отыграется, непременно, уж будь спокоен. Обрато в аул свой отправится, с одним чемоданчиком и парой портянок.

...И пусть прямо сейчас аж сердце заходится, как охота видеть его, — ничего. Она человек состоявшийся, самодостаточный, и брак этот — не более чем шутка, прихоть...

«...Вот уже десять лет как первой красавицы. Лера, опомнись. Можешь сколь угодно убеждать, что на этот-то раз любят ради тебя самой, честнее признаться, что нет, не любят».

Пора заканчивать, да поскорее. Есть масса проблем, куда более важных, и решать их надо немедленно, без соплей и сантиментов.

Лера демонстративно глянула на часы, уложила в сумочку телефон, портсигар. Выдержав паузу, нарочито небрежно, неторопливо и сухо произнесла:

— Оставим, мне некогда. Как прилетишь, дай знать, мой адвокат тебе позвонит, — и собралась уж было дать отбой.

Как тут дрянь эта, Сан Саныч, ноль беззубый, прошепелявил вдруг громко и уверенно:

— ...И раздел имущества, само собой?

Нет, она сдержалась, не разоралась, не плюнула в эту самодовольную, кривоносную, щетинистую рожу. Просто и даже кротко спросила, что именно он имеет в виду, висельник и голодранец.

— Как это что? Раз ты так ведешь разговор, то мои «БМВ» и пятьдесят процентов в клубе. На твою хату и прочий хлам я не претендую.

Это на что он рот свой щербатый разевает?

Клуб полудохлый купил он, это правда, но и он же, стоило разразиться очередному кризису, уже через полгода сдригнул в НХЛ на выгоднейший контракт. Лишь Лериными

усилиями клуб не просто пережил все потрясения и санкции, но и в гору пошел. (А ведь те, кому не так повезло с менеджерами, поклянчив госсубсидии и ничего не получив, с облегчением обанкротились.)

— Ни копейки.

— Милая, так дела не делаются. Мы муж с женой, у нас все общее.

Ох, не нравилось Лере, как он говорит. Только что истерил и скандалил, а теперь голос звучит уверенно, спокойно, по-деловому.

«Что задумал? Что за план «Б» он включил? Только что умолял, клянчил — и на тебе... Разыгрывает как по нотам некий неведомый сценарий».

— Что же у нас общего-то, Шурик? — ласково, проникновенно спросила она. — Положим, машина приобретена во время брака...

— Не приобретена, Лера, — напомнил он, — это мне подарок от главы республики как олимпионику, помнишь? Это мой-личный-автомобиль.

Она сделала вид, что оглохла.

— ...Хотя с учетом того, что ты по одну сторону океана, я по другую — можно поспорить. А вот полбизнеса. Прости, ширина не лопнет?

— Я поуже шагать буду, — пообещал он, дернув ноздрями.

«Единственное, в чем я дура: брачный контракт так и не подписали, теперь будем судиться до второго пришествия. Как же Гарик не вовремя к праотцам отправился... подвел».

Лера глянула на часы, теперь уже не нарочито. Пора выезжать, девушка нервничает, как бы не передумала, а то ведь уплаченное не вернешь уже. А эту мразь беззубую можно и по возвращении разъяснить.

«Только спокойно, Лерка, спокойно. Он дурак, он блефует».

И, окончательно взяв себя в руки, она пообещала, что в ближайшее время «поговорим» — слово это было произнесено особым тоном, каким взрослая женщина сулит головомойку сопляку-мужу. Действовало всегда, но теперь ожидаемого эффекта не было.

Дурак Сашка, который всегда был как на ладони, теперь представлял собой закрытый на все замки шкаф под два метра, и что там, за дверью антресолек — неведомо.

«Налог уплачен — никуда она не денется. Немедленно внести задаток втихаря, чтобы исключить общность имущества... и немедленно искать адвоката».

Вроде бы все под контролем, но что-то идет не так. Эта мысль пульсировала в голове, разбухала, занимая все пространство под нарочито небрежной прической, и туманила мозг, нудила, нудила, нудила...

Александр Радаев по прозвищу Профессор, капитан «Нью-Йорк саккерс», обладатель Кубка Стэнли, олимпийский чемпион, перестав вызывающе улыбаться, потер натруженные аж до судороги лицевые мышцы. Прикрыл ноут и несколько минут сидел, приходя в себя. Так, еще одному браку конец. До слез обидно разочаровываться и в ней, казавшейся кремнем, стеной, надежным тылом без обмана. В любимой разочаровываться, по которой сох еще сопляком, глядя на ее выкрутасы на льду. Неужели и вправду подыскала конька на месте? Потому и разговаривает так, как никогда не говорила ранее.

Это, надо полагать, и есть самый сильный и неожиданный удар судьбы, но он сдюжит. Не такой прессинг выдерживали. Александр взял телефон, набрал номер.

— Брат, здорово. Поговорили, заказ подтверждаю. Только вот с деньгами... все карты у меня заблокированы... блин, да ты что?! Вот спасибо. Но ты не дрейфь, за мной не пропадет. Обнял.

ГЛАВА 1

Был задан возмутительный вопрос, и тихое семейное утро воскресенья потеряло безмятежность.

— Лева, у тебя, случайно, нет знакомого юриста?

Лев Иванович, прилагая титанические усилия, чтобы сохранить нейтральное выражение, поднял глаза от газеты. О, женщины! Достоинства супруги бесспорны, но иной раз она страдает отсутствием чуткости.

— Что-то я не понял, а я уже не котируюсь?

Мария, мастерски уничтожая следы несовершенств, ей одной видимых, задиристо глянула поверх зеркала, успокоила:

— Да котируешься ты, еще как — но лишь в своей сфере.

— Объяснись, — потребовал супруг, аккуратно складывая газеты.

— С чего это? — удивилась жена, приостанавливая священнодействие. — Объясняться, вот еще!

— Ну поясни свои резоны...

— Пояснять свои резоны — значит признать, что у меня их может и не быть вовсе, а это оскорбительно. Ты чего, разобиделся? У каждого свое ампула. Я же не дуоусь, что мне давно не предлагают роли тургеневских девиц.

Гуров продолжал ждать ответа, молча, глядя строго прямо.

— Ой, ну ладно. Разжую до каши, для особо обидчивых и одаренных. Моя знакомая предлагает долю в деле, мне оно кажется интересным, перспективным. Нечто вроде хобби и задела на пенсию...

— Начинается.

— ...И все-таки, — невозмутимо продолжила Мария, сделав вид, что ничего не слышала, — так юрист знакомый есть?

— Начинаю понимать. Имеешь в виду корпоративный?

— Мне все равно, как его кличут. Нужен человек, который в состоянии не просто клацать наручниками...

— Вот спасибо.

— ...А вникнуть в факты, документы и на пальцах объяснить, все ли там так гладко,

как хотелось бы мне, — завершила супруга свою мысль. — Итак, спрашиваю в третий раз, теряя терпение. Есть или нет?

После некоторой паузы Гуров выдвинул встречное предложение:

— Сделаем по-иному. Ты расскажешь вкратце, о каком предприятии речь, и только после этого я тебе выдам отличного адвоката самого подходящего профиля. Идет?

— Так и быть, не плачь, — утешила жена, возобновляя косметические манипуляции, — встретились на мероприятии с Лерой Паскевич, разговорились, она предложила войти в полдоли ретрит-отеля...

— Санатория для артритных? — попытался уточнить Гуров.

Мария, четко артикулируя, повторила:

— Ретрит. Это когда все идет не так, достало, не клеится, и надо удалиться в затвор, под сень чего-нибудь, предаться медитациям и размышлениям. Переосмыслить жите свое. Просветиться.

— Вот оно что. Так, кто такая Лера Паскевич?

Жена, придавая безукоризненный изгиб шикарным ресницам, бросила на него искоса удивленный взгляд:

— Вот не будь ты моим любимым, хотя и слабоумным супругом, послала бы тебя

в интернет. Ну не ври. Или в самом деле хочешь сказать, что не знаешь Паскевич?

— Понятия не имею.

— Лера?

— Нет.

— Фигуристка, мастер спорта, бывшая телеведущая, спортивный менеджер? Невесть сколько лет — первая красавица ТВ?

— Глуп, туп, каюсь. Потроши и уничтожай дальше.

— Да нет, когда супруг не ориентируется в красотках — это не плохо, — заметила жена, протягивая ему планшет:

— А если так?

Одного взгляда на фото этой блистательной шатенки — со сверкающей улыбкой и обманчиво наивным взглядом прозрачных, чертовски умных глаз — для освежения памяти оказалось достаточно. В свое время это личико красовалось вообще на всем, от рекламы контрацептивов до предвыборных плакатов.

— Если это Паскевич, тогда знакомы практически лично, лет сто как. И что же предлагает? Гербалайф или сразу тренинг «Как нагнуть вселенную»?

— Шути, шути, — разрешила Мария, — есть в тебе все-таки это мужское шовинистическое баба — дура, штык — молодец.

Лера — это не просто ноги, бюст и глаза, но и отменные мозги.

— Что ж, подобное притягивает подобное, — прямолинейно, но искренне польстил муж.

— При всей моей любви ко мне должна признать, что как минимум ни вязать, ни в макраме я не умею — в отличие от Леры.

Уточнив на всякий случай, одинаково ли они понимают слово «макраме», Гуров удивился — ничего себе хобби у ТВ-красавиц и прочая, — с уважением протянул: «Вот это да-а-а», — и, помолчав, продолжил:

— Допустим. А между прочим, ты по каким делам с ней познакомилась?

— Да так. Снималась несколько раз для рекламы ее прежнего бизнеса.

Что-то в ее интонации не так было, и Гуров осторожно уточнил, каком именно. Негодница не моргнув глазом невозмутимо призналась:

— Гей-клубы.

Муж возмутился:

— Да что за новости такие?! Когда?!

— Успокойся, — хладнокровно велела Мария. Она завершила творить лицо и теперь придиричиво изучала ногти, — давно, давно, в лихие девяностые. Ну, у каждого свои слабости, а Лера любит деньги и по-

нимает, что на чужих страстях их проще всего заработать. Не переживай, с тех пор с пошлостями покончено, — твердо заявила Мария, — зато подружились и по праздникам созваниваемся. И теперь у нее даже благородный бизнес, любимое детище — хоккейный клуб, поднятый из руин. Теперь, если ты уже подостыл, могу ли я продолжать?

Он разрешил.

— Итак, по сути. Места сказочные: относительно недалеко от Москвы, но на достаточном отдалении от крупных шоссе. Уединение и спокойствие, масса атмосферных достопримечательностей с историей...

— Ну да, чушь с историей всегда лучше продается, нежели та же чушь, но без истории.

— В точности, — едко отозвалась Мария. — В качестве одной из составляющих уникального торгового предложения Лера упирала как раз на леса и болота, которые прямо кишмя кишат местами силы, чудокамушками и прочей душистой чепухой. Настоящая запретно-тайная Финляндия, только под Москвой.

— На фоне подъема внутреннего туризма вполне многообещающе.

— Кстати, да.

— И что же вы собирались, походы водить?

— Можно было бы заделать глэмпинг, поставить дорогие палатки, пафосные, с удобствами. Это для начала, но Лера берет покруче. Видишь ли, в тех краях как раз имеется бывшая турбаза «Шужкопа», при ней какие-то графские развалины, с одичавшим парком, огромным озером и прочим в том же духе. В советское время, когда были живы деревни, там вроде бы была база отдыха, потом что-то министерское, кажется, санаторий.

— А теперь?

— Трудно сказать. Сама усадьба развалилась давно и окончательно, на останках базы отдыха то ли платная рыбалка с баней, то ли этнографическая деревня — я не поняла пока. Сейчас, она мне пересылала.

Обычные развалины, коих хоть пруд пруди. От главного дома остались фрагменты фасада и пара колонн — причем стойкое ощущение, что их использовали для игры в пейнтбол, все раздолбано до последнего предела. Какие-то постройки — то ли флигеля, то ли конюшни — казались более или менее обитаемыми. Остатки кирпичной стены, которая ранее отделяла усадьбу от мира, развалины водонапорной башни и фонтана, когда-то красующихся посреди двора, к ко-

тому съезжались, надо полагать, кареты, по сезону — сани, запряженные тысячными рысаками.

От базы отдыха тоже немного осталось: несколько почтенных домиков-шалашей с замшелыми крышами и деревянными верандами, которые в свое время пользовались бешеным спросом у развеселых студенческих компаний. В таких домиках, снимаемых вскладчину на выходные, отменно выпивалось.

— А вот озеро и рыбалка, — пояснила Мария, запуская видео.

Тут тоже было внушительно.

Хозяева усадьбы, канувшие в Лету, наверняка выписывали каких-нибудь особенных архитекторов, которые не спали ночами, чтобы придумать, как должны изгибаться берега этого созданного природой и усовершенствованного человеком водоема так, чтобы обычное озеро казалось бескрайним. Оно и сейчас таким кажется: берега, пусть и оползшие кое-где, все еще воображают о себе, перетекая один в другой и изгибаясь так, что противоположной стороны не видно. Таинственности в этом вопросе придает и густой туман, который по вечернему времени стлался по воде, размывая очертания.

■ На берегах наведено несколько мостков для

рыбаков, на одном как раз сидел какой-то любитель вечернего жора.

— Выглядит крайне аппетитно, — признал сыщик, — как это ты говоришь, атмосферно. А как это место называется?

— Я ж говорю: Шужкопа, это в переводе с этнографического почему-то означает «Волчья Яма». Сто лет назад бывала я в тех краях, на съемках...

— Наверное, красивая природа, — признал Лев Иванович. — Сомнения насчет строений. Уж больно заброшено, сплошные развалины.

— Так мы и снимали битву под Москвой. Можно устраивать реконструкции, сдавать под съемки, реконструкции — все заработок. К тому же имеется нечто песочно-нерудное — карьеры, карьеры, тридцать тысяч одних карьеров. Тоже, кстати, прибыль: закончатся туристы — так можно и песочком промышлять.

— Не преувеличивай. Так, а если карьеры, то откуда такие туманы?

— А там еще и торфяники есть, прямо под горку. Вот, глянь, красота какая. Как раз для экомаршрутов и наблюдений за всякой болотной тварью...

Ну уж красота. Вниз ухает дорога чуть не под девяносто градусов, а внизу уже густой

туман, и по обе стороны от шоссе — топи и болота.

— Отличное место для Баскервиль-холла, — заметил сыщик, улыбаясь, — прямо на сердце потеплело.

— Да уж, живописно, и рельеф разнообразный, — со знанием дела подтвердила супруга-актриса. — При нужном ракурсе можно заснять что угодно, от пустыни до горных ущелий.

— И ехать никуда не надо для супершикарного селфи, — вставил Лев Иванович.

— Точно. Хорошо мыслишь, Гуров. Развалины, конечно, кого-то могут огорчить, а у иных сойдет за антураж, таинственность. Зато сплошная природа, без разного рода идиотизмов и коттеджных поселков.

— И Лера решила, что это именно то, что надо для разочарованных дамочек, уставших от всего.

— Ну, в этом на нее можно положиться, — заверила Мария. — Чутье у нее на выгоду — это раз, и компетенция в области разочарований — это два. К тому же, насколько я поняла, она как раз переживает вероломство очередного мужа...

— Которого по счету?

Жена показала язык:

— Не нагличай, всего-то второго.

— Что натворил?

— Тебе-то что за дело?

Гуров, поразмыслив, признал, что в самом деле никакого и что лично против Леры он ничего не имеет.

— Только представь, сколько можно брошенных, забытых и состоятельных собрать на ретрит, при правильном-то подходе, — мечтательно протянула Мария. — И риска никакого, это же не санаторий, не медицинская помощь, а так — йога, походы по природе, аутотренинг на тему «сами виноваты». Ну, Гуров?

— Что ж, не возражаю. Пока, — подчеркнул Лев Иванович, вынимая визитку, — вот тебе юрист. Вот как пообщаешься с обоими, так по итогам и примем решение.

— Сколько согласований, — поддразнила жена. — А если речь идет о моих личных средствах?

— Тем более если речь идет о твоих деньгах. Не могу же я позволить тебе умереть в нищете, — объяснил муж. — Женская интуиция — это хорошо, но и адвокат не помешает.

Мария изобразила смирение:

— Как скажешь, мой повелитель. — Она глянула на визитку. — Личман Сергей Юрьевич... это что же, тот самый?

— Без подделки, стопроцентный, — заверил он, не особо вникая в то, что имеется в виду.

— Отлично! — Она глянула на часы, заторопилась. — Как раз через час встречаемся с Лерой. Она вроде бы туда намыливается, то ли на пристрелку, то ли уже аванс вносить. Передаст мне документы, какие есть, — и я тотчас свяжусь с этим... кхе, Личманом. Не с пустыми руками же вести разговор.

Гуров, кивая, подал жене плащ: «Ничего, пусть поиграется. Главное — успеть предупредить Личмана, пусть на день-другой пооткладывает встречу, а там, глядишь, сама остынет. Существо она увлекающееся, и в этом проблема. Не хватает прочей головной боли, так подай ей бизнес на брошенных и усталых, да еще посреди болот в графских развалинах. Неплохое начало для триллера».

— Будешь поздно? Приготовить что?

— Не знаю, когда буду, но готовь.

Как только дверь затворилась, Гуров тотчас звякнул Сергею Личману и, обрисовав ситуацию, попросил посодействовать. Не нужен семейству этот бизнес-проект, пусть эта, как ее, Лера сама разбирается.

Весьма удачно выяснилось, что, во-первых, адвокат уже в курсе всего, и во-вторых,

Гурову беспокоиться абсолютно не о чем. Он так и сказал:

— Прошу вас, господин полковник, даже не беспокоиться. На этот раз не выгорит у Леры, пороху не хватит.

— Откуда такая уверенность?

Было слышно, как Личман удивился:

— Помилуйте, Лев Иванович, как же...

И совершенно новый проект, требующий рук, нервов и дензнаков, и развод. Либо то, либо другое, а все сразу даже Лера не потянет.

«Развод? Ах, да». — Гуров вспомнил слова жены, а адвокат продолжил выдавать на-гора цеховые тайны:

— Наше сообщество не дремлет, пол-Москвы на низком старте, гадаем: кому такой-то жирный кусман достанется? Паскевич — дама не просто умная, но и щедрая. Если желаете знать, ее прежний адвокат двоих ребятишек в Гарварде за ее счет выучил.

— Где же прежний?

— А. Так он скончался уже, старенький был. Между тем без адвоката ей не обойтись. На стороне мужа тяжелый, непростой мальчик, с мозгами, пусть и хорошо маскируемыми.

— Это кто ж таков? Тоже телезвезда?

Сергей позволил себе драматическую паузу:

— Сан Саныч Радаев, он же Профессор.

— И?.. — помолчав, подбодрил Гуров.

— Знаете такого?

— Судя по кличке, очередной в законе.

— Хоккеист-олимпионик, — деликатно продолжил напоминать Личман, — звезда НХЛ, капитан «Нью-Йорк саккерс»?

— Нет.

— Который отказался играть в радужном свитере и других подбил идти в отказ? И в итоге загремел в тюрьмку за шпионаж с изнасилованием?

— Сергей, история по-своему захватывающая, — признал Гуров, — но честно признаюсь: буквально только что супруга таким же манером перечисляла титулы женской половины этого дуэта. Отвечу тебе так же: понятия не имею, кто это. Давай ближе к делу, что там?

— Если вкратце: муж в свое время выкупил за символическую плату свой первый хоккейный клуб, ныне банкрот, потом грянул кризис — и Радаев улетел за океан, деньгу зашибать. Получил Кубок Стэнли, на минутку...

— Еще короче.

— Лера, оставшись за менеджера в клубе, вошла в раж, а поскольку наполовину ■ ничего она делать не умеет, то ее старания-

ми там появились такие тренеры и игроки, что клуб вышел в этом году в плей-офф.

— И это очень круто, насколько я могу понять. И что же?

— А то, что вышел конфликт, и теперь дело уверенно идет к разводу.

— На почве чего?

— Лев Иванович, любая женщина, даже умная — это прежде всего женщина. Не думаю, чтобы Лере понравилось, что ее супруг, ее же стараниями отправленный за океан, присел там за изнасилование, к тому же, по слухам, несовершеннолетней...

— Нормальная бы не поверила, — заметил сыщик.

— Возможно. Но у них с мужем разница в возрасте около пятнадцати лет, с ее стороны, конечно.

— Ага, он что, минимум геронтофил?

— Это не извращение, а уже тренд, Лев Иванович, — деликатно указал Личман. — К тому же всем бы выглядеть, как Лера в свои очередные восемнадцать. Но, зная Паскевич, рискну предположить, что основной корень бед — в деньгах. Наверное, не определились, кто больше в дом несет. Вы говорите, супруге вашей она бизнес на ретрите предлагала?

— Да, вроде бы это слово.

— Возможно, и по концепции разошлись, — предположил адвокат. — Лера еще по молодости по разным тибетам скиталась, теперь, видимо, решила на этом заработать.

— И кто же ее осудит, ловко, — подхватил Гуров. — Главное, чтобы мою собственную жену в это дело не впутывала.

— Прогнозирую: грядет долгий и кропотливый процесс, и с учетом того, что он за океаном в тюрьге, а она тут — можете себе вообразить волокиту.

Лев Иванович слабо себе представлял эти сугубо адвокатские страдания, но из вежливости признал, что да, имеет понятие. Личман подвел итоги:

— В общем, не беспокойтесь. В ближайшей перспективе у Леры будет на что потратиться нервами и деньгами и без новых проектов. Не до того ей станет.

Распростились.

Успокоенный, Гуров вернулся к приятному кулинарному труду, размышляя на философские темы.

«Да уж, на всякого мудреца довольно простоты. Бедная Лера, надо же так промахнуться. Жаль мне тебя, старушка. Окажись на месте этого Профессора Сан Саныча какой-нибудь тип старой закалки — заплакал

бы и ушел с одним чемоданчиком, а тут не так, времена не те...»

И тут вернулась Мария. Злая и расстроенная, и от бывшего утреннего воодушевления не осталось и следа.

— Что, не встретились? — спросил муж, помогая снять шубку.

— Представь себе! Взяла и запропала, гадюка! Ждала ее битый час, потом начала звонить, так абонент — не абонент. Не серьезно.

«Что ж, вот и славно», — порадовался Лев Иванович, но все-таки заметил, изображая терпимость, доброту и объективность:

— Заболела, мало ли, или проблемы семейные.

Жена фыркнула рассерженной кошкой:

— Семейные! Наверняка муженек прилетел-таки из-за океана — ну и помирились, хорошо, если не прилюдно.

— Интригует, — признал Гуров, — даже зависть берет. А просвети, пожалуйста, муж у нее кто?

Мария, подняв брови, глянула недоверчиво, точно заподозрив издевательство. Супруг кротко заметил:

— Ты же не будешь мне пенять, что я и в красавцах не ориентируюсь.

Жена молча протянула смартфон.

— Ах, этот.

— Знакомы?

— Кто ж его не знает, икону стиля и мечту дантистов. Погоди, только сколько же ему лет?

— Вот это как раз неважно, — заметила Мария со значением, — разве можно задавать такие вопросы мужу Леры Паскевич?

— Хорошо, — легко согласился он, — пусть их, не маленькие, разберутся. Давай к нашим баранам: денежки остаются в кубышке? Вопрос с капиталовложениями в развалины снят?

— Снят, снят, успокойся, — утешила Мария не без язвительности, — не стану же я связываться с этой внезапно неуравновешенной... Нет, ну передумала, пожалела, что предложила, — ну скажи по-человечески, а то так, просто пропасть... так.

Она прищурилась, уперла руки в боки:

— Надеюсь, не ты приложил лапы к этому возмутительному демаршу?

— У меня железное алиби: я готовил ужин и ждал любимую жену, — заверил Гуров. — Пошли докажу, у меня все на столе.

ГЛАВА 2

С возрастом Гурова все чаще начала посещать мысль о том, что в суевериях что-то да есть. Не предопределенность, само собой, но, может, народные мудрости в какой-то момент взяли и перешли из количества в качество. В любом случае стоило задуматься о том, не послать ли все это к черту и не отправиться ли на рыбалку... это Мариино видео с одиноким рыбаком на мостках уж такое аппетитное... да, так вот стоило размечтаться об удочке, тишине и легкой ряби на воде, как судьба сыщицкая подкладывает такую жирную свинью, что уже не до того, чтобы дурить рыбу.

— Ясное дело, примета есть примета, — веско заявил Станислав, прихлебывая, — вот я пример приведу. Иду с пакетами из магазина, захожу во двор — и прямо под ноги кошак черный, облезлый. Думаю: вот верил бы я в приметы — тотчас бы какая-то беда приключилась...

■ МЕСТА ЗДЕСЬ ТИХИЕ

Он замолчал, откусил от пирога и принялся тщательно пережевывать.

— И что, продолжение будет? — напомнил о себе Лев Иванович.

— И все. — Крячко пожал плечами. — Порвался пакет, и вся снедь на земле. Бутылку красного игристого Наталье с таким трудом отыскал — и вот, все в канализацию. Стало быть, приметы работают.

— Логика — страшная вещь, Стас.

И все-таки, как говорят некоторые, в мире «что-то есть».

Только завершили обсуждение предпочтений в области рыбалки — какой где лох идет на опарыша и не проще ли купить его живым весом у оператора пруда, чем просиживать на берегу без гарантий результата, как Верочка неделикатно прервала мужской разговор:

— Пойдемте, господа полковники, настало время удивительных историй.

Станислав не без подозрения спросил, каких именно, и получил заверение, что самых захватывающих, да еще и с кинопросмотром.

Честная Верочка не солгала.

Генерал Орлов, раздраженно указав на стулья, точно мебель в чем-то провинилась, ворчал и разбирался с пультом от телевизора.

Секретарша деликатно подсказала, что иско-
мое «кино» на самом деле надо смотреть на
компьютере, начальник обрадовался:

— Вот и славно, ты и запусти.

Верочка, пожав плечиками, подчини-
лась и, установив мышку в такое положе-
ние, что промахнуться по кнопке «Play»
было невозможно, покинула кабинет.

Прошла таинственная заставка с таин-
ственными буквами, телеведущий с зага-
дочным выражением на пухлой физионо-
мии вещал:

— ...Олимпийская чемпионка, телеведу-
щая, эффективный спортивный менеджер,
счастливая жена — все это и многое другое
перечислять слишком долго и бессмыслен-
но. Реши она заказать визитки, то на ней
двух слов было бы достаточно... Валерия
Паскевич.

Бывают же совпадения. Вот оно, про-
клятие рыбалки.

Станислав, с предысторией этого имени
и фамилии пока не знакомый, заинтересо-
ванно глядел на экран, на котором развора-
чивалась очередная пустая, но красочно рас-
сказываемая история.

Все тут было: говорящее название «Вол-
чья Яма» («И почему я совершенно не удив-
лен?» — подумал Гуров), загадочные болот-